

18+ СЕРГЕЙ ШЕРСТЕННИКОВ

В ПОИСКАХ СИЛЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

Сергей Шерстенников

В поисках силы. Книга первая

«Издательские решения»

Шерстенников С.

В поисках силы. Книга первая / С. Шерстенников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988966-9

Когда герой был мальчиком, один мужчина назвал его слабачком. Мальчик не мог возразить — тогда он не знал, что это значит. Он стал смотреть на мир своими глазами. Прочтя эту книгу, кто-то увидит события своей жизни под непривычным для себя углом зрения.

ISBN 978-5-44-988966-9

© Шерстенников С.
© Издательские решения

Содержание

АННОТАЦИЯ	7
ПРОЛОГ	8
ЧАСТЬ 1. ДЕТСТВО	9
ЧАСТЬ 2. АРМИЯ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

В поисках силы

Книга первая

Сергей Шерстенников

Елена Шерстенникова *Оформитель*

Наталья Кишнер *Корректор*

Наталья Кишнер *Редактор*

Елена Шерстенникова *Дизайнер обложки*

© Сергей Шерстенников, 2021

© Елена Шерстенникова, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4498-8966-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-8967-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОГЛАВЛЕНИЕ

Аннотация

Пролог

Часть 1. Детство

Часть 2. Армия

Часть 3. Выход на другую орбиту

АННОТАЦИЯ

Когда герой был мальчиком, один мужчина назвал его слабачком. Мальчик не понимал, что это значит и стал внимательно смотреть вокруг. Позднее он увидел, что привычное для многих понимание силы не соответствует действительности. Книга поможет молодым людям прекратить оценивать себя глазами других. .

ПРОЛОГ

В детстве Сережу всегда тянуло к книгам и картинам; он любил собирать иконы, слушать пластинки (особенно ему нравился «Полонез Огинского»), а на уроках русского языка он с удовольствием писал сочинения. Вдохновленный рассказами о морских путешествиях, он вырезал из березового полена корпус фрегата и установил на него мачты с парусами.

Он искал ответы на вопросы: что хорошо и что плохо, что такое сила и слабость. Он искал их в книгах, спрашивал у родителей и наблюдал за взрослыми. Старшие что-то объясняли ему, но часто их поведение не соответствовало тому, о чем они говорили. Об интересующем его понятии силы от них он не слышал ничего.

Где бы Сережа ни был, он искал признаки проявления силы – это стало его жизненным интересом и целью. Он стал выстраивать собственную шкалу ценностей, по которой можно было бы определить, силен ты или слаб. Он смог выстроить такую шкалу – в ее основе было его собственное понимание сути вещей. В его шкале привычные понятия переворачивались таким образом, что люди, считавшие себя сильными, оказывались слабыми и наоборот. В книге «В поисках силы» рассказано, в чем Сережа видел силу и как строил свою шкалу.

ЧАСТЬ 1. ДЕТСТВО

Все мужчины в деревне были очень сильными, когда просто трудились. Отец был физически очень крепок: невысокого роста, с широким размахом плеч, крупными мышцами груди и крепкими руками, он выглядел по-богатырски мощно. У него были очень большие ладони; когда он их сжимал в кулаки, то невольно пробежала мысль – лучше под них не попадать.

Он мог очень легко, играючи, поднять на вилах огромную копну сена, которую Сережа с братом, уже достаточно взрослые, еле-еле тащили вдвоем, и метнуть ее высоко на «круглыш» (стог сена с одним колом). В эти моменты Сережа поражался силе отца и гордился им. Свою фигуру и лицо отец «передал» старшему сыну – «подарил», как позднее отшучивался Сережа, когда у него спрашивали про плечи. Кисти и пальцы Сережа «взял» от матери – они у него были длинные и тонкие.

Отец умел и любил работать: тянул на себе все мужские дела по хозяйству, брал ответственность за все сложное, что нужно сделать в доме – сын всегда чувствовал его силу рядом с собой. В деревне отец был лучшим резчиком скота, и люди его приглашали выполнить эту непростую работу – у него была «твердая» рука и очень хорошо получалось сделать ее быстро без лишних эмоций.

– Геня, – не сдавайся! – подзадоривал отец младшего сына, когда братья начинали бороться. – Давай, побори его!

– В молодости отец был драчуном, – рассказывала мать, – без кола в руках я его никогда не видала. Самому тоже попадало – вон, шрам на голове. У отца, действительно, был шрам чуть выше левого уха, но сам он про драки рассказывал очень редко. Отец никогда не говорил приятных и нежных слов, а свою любовь проявлял тем, что прижмёт покрепче или смягчит нотки в голосе. В таких случаях на душе Сережи становилось тепло – он понимал, что отец любит, только по-своему.

Отец умел создавать в семье атмосферу праздника, любил шутить, обсудить деревенские дела, поговорить о политике – с ним было весело; в деревне его уважали за острый ум и умение со всеми находить общий язык.

Он работал механизатором, умел управлять всеми видами сельскохозяйственной техники – колесным и гусеничным трактором, зерноуборочным комбайном. Он пахал землю, сеял и убирал хлеб, косил траву, метал стога, зимой возил с полей сено и солому; все совхозное хозяйство 70-х и 80-х годов в государстве держалось на таких людях, как он.

Эти мужчины были привязаны к земле, по-своему любили ее, переживали, если что-то не ладилось, и радовались, когда удавалось вовремя убрать урожай. Каждый год весной, как сойдет снег, и до поздней осени, когда он снова ляжет, они работали без выходных, потому что в деревенском хозяйстве одна работа всегда сменяет другую и времени на отдых не остается совсем. Только сильные мужчины были способны так работать!

Каждую зиму в семье была заготовка дров. Они валили лес, связывали стволы «чекарями» (короткие тросы с петлей и крюком на концах) и, подцепив их к трактору, по первому снегу волокли их к дому. Дома их всегда ждал накрытый стол с горячими пирожками из печи. Больше всего Сережа любил пирожки с начинкой из кишок – у них был просто божественный вкус! Позднее он понял, почему кишки очень вкусные – в них очень нежные мышцы. Часто они всей семьей лепили пельмени и за этим занятием вместе пели песни, вместе встречали праздники и подолгу сидели за столом.

Каждое лето они вместе трудились на сенокосе – косить чаще всего приходилось ручной косой-литовкой, сушить и сгребать скошенную траву деревянными граблями, а складывать (метать) сухое сено деревянными вилами. Площади, которые они выкашивали для своего скота, были очень большие, и сенокос был тяжелой работой.

Зато еды в доме было много: Сережа любил залезть с куском белого хлеба и ложкой в подполье, где стояли крынки с топленным молоком, и вдоволь покусать сметаны.

На самом деле, все было бы хорошо, если бы не проклятая водка. Этому пожирателю силы отцом было отдано столько жизненной энергии, здоровья и времени, что их, наверное, ему хватило бы до ста лет и более. От природы отцу было дано очень хорошее здоровье – его отец дожил до 97 лет, но он израсходовал свой жизненный ресурс к 69 годам.

Мужчины выпивали, а запьянев, много говорили, громко смеялись и казались очень смелыми и сильными. Когда они напивались «в стельку», то заканчивали на полу в совершенно беспомощном состоянии. В этот момент с этими сильными людьми можно было делать все, что угодно. У взрослых мужчин напиться до беспамьятства считалось круто. «Разве это стоит больших внутренних усилий? – недоумевал Сережа, – налил, да выпил, чем же тут нужно гордиться?» Став взрослым, он тоже выпивал, хотя считал это слабостью.

***

Некоторым женам не было жизни от пьяных мужей, особенно жене того, кто назвал мальчика слабачком. Сережа наблюдал за этим дядькой в надежде увидеть в нем признаки силы. Тот был невысокого роста, крепкий, всегда улыбался и никогда не унывал – эти его качества Сережа, безусловно, оценивал как сильные. Умение много пить и господство над женой, пользуясь тем, что он физически сильнее, тот тоже считал признаком личного мужества, но они не внушали Сереже уважения.

***

Сколько бы он ни присматривался к взрослым, он не находил в их поведении того, чего искал – поступков, которые убедили бы его, что тот или иной мужчина сильный. У каждого из них были как сильные, так и слабые стороны. Он смотрел на стариков, потому что именно они, по его представлениям, должны быть носителями жизненной мудрости и силы – он много раз читал об этом в книгах, – но не видел примеров этому в реальной жизни.

«Где же мудрые старцы? – с удивлением думал он. – Они должны где-то быть, ведь я о них читал». Вокруг него были лишь те, кто был полностью сосредоточен на обычных житейских делах и совершенно не мыслил глубже и шире, как ждал от них он. Не найдя никого, кто бы мог разделить его взгляды, он иногда считал, что неправильный он сам.

***

Бабушка была обыкновенной деревенской женщиной, работающей, тащившей на себе огромное количество забот, которых в ее хозяйстве хватало с лихвой. Она была всегда спокойна и выполняла свои дела таким образом, что Сереже казалось: они у нее делаются сами собой, без приложения ее усилий. Выходя из избы в огород и возвращаясь, она по пути успевала сделать массу всего, на что Сереже понадобилось бы специально выйти и прийти не менее десяти раз.

Отнести в чулан муку, помешать в кадучке ржаное пиво, вынести на солнце обувь, поправить сохнувшее на веревке белье, налить курам воды, насыпать в кормушку зерна, снять с гнезд яйца, проведать теленка – это было далеко не все, что ей нужно было сделать, пока она примется за серьезную работу. Обычной ее работой было: прополоть гряды, накормить скот, подоить корову, обработать молоко, растопить печь, приготовить завтрак, обед и ужин, починить одежду, навести порядок в избе и еще многое чего.

Однажды бабушка его очень удивила. Среди прочей работы мать велела Сереже взбить сметану, которой накопилось уже много, и пришла пора превращать ее в масло. Сережа взял мутовку (мешалка, сделанная из сосновой ветки с сучками на одном конце) и просидел с этой сметаной не менее часа. Он перемешивал ее с большим остервенением, злился, каждую секунду ожидая, что в кастрюле вот-вот должна появиться сыворожка, но сметана никак не хотела разделяться.

Вдруг в доме появилась бабушка – она пришла к ним в гости; посмотрев на внука, на его злое лицо, она с улыбкой взяла у него сметану и мутовку. Не успел Сережа закрыть люк подполья, на краю которого он битый час просидел с этой злосчастной сметаной, как бабушка уже возвращала ему кастрюлю – дело было сделано. Сережа не поверил своим глазам – сметана была в руках бабушки не более двух минут и разделилась.

– Как ты это сделала? – с удивлением спросил он.

Бабушка пожала плечами и улыбнулась. Он смотрел то на бабушку, то на сметану и решил, что она знала специальный заговор на сметану – другого объяснения он найти не смог. Позднее он часто замечал, что у людей с большим жизненным опытом дела спорятся сами собой, без особого приложения сил, – этот феномен он назвал «накопленной внутренней силой».

***

– За всю свою жизнь я не увидел в людях ни грамма «золота», – услышал Сережа по телевизору слова человека, много лет просидевшего в тюрьме.

– Может быть, не там искал? – подумал тогда Сережа, но принял слова этого человека во внимание.

– Единственное, что согрело меня, был скворечник, который я сам скототил, будучи еще мальчишкой, – продолжал свои рассуждения мужчина и с горечью добавил, – этот скворечник я считаю единственным добрым делом, которое я сделал в своей жизни.

На экране телевизора скворечник казался очень ветхим, криво висел на берёзе, и было похоже, что из последних сил дожидался возвращения своего мастера. Мужчина говорил совершенно искренне, смотрел на свой скворечник и, казалось, хотел еще что-то сказать, но не сказал.

Сережа очень любил подобные откровения и считал, что они и есть те самые слова, ради которых человек живет на этой земле целую жизнь. Будучи уже взрослым, Сергей внимательно слушал своего отца, когда тому оставалось жить совсем немного, и оба они это понимали. Отец сказал: «Не было в моей жизни ничего хорошего». Сергей не поверил им обоим – он видел в жизни и в людях «золото».

***

Еще в детстве встречал очень странные проявления таинственной силы; позднее он называл ее бытовой магией .

В деревне о ней говорили только шепотом, как будто боялись, что их кто-то услышит. Никто не мог объяснить, что это такое, – ей пользовались, и она упорно имела дерзость существовать. Отрицать ее не решался никто, даже школьные учителя и представители медицины. Людей, умеющих управлять этой силой, уважали, обращались к ним за помощью, и даже немного боялись, как способных нанести вред (наколдовать). Эти люди отличались глубиной взгляда – было件нятно, что они знают об этом мире значительно больше других.

Когда Сереже было не более 4—5 лет отроду, у него проявилась очень крупная пупковая грыжа, торчащая из штанов как выпрямленный указательный палец. Мать водила Сережу в местную больницу, но врачи ничем не смогли помочь и порекомендовали обратиться к одной бабке-знахарке. Мать сама была из деревни и о бытовой магии знала больше самих врачей. За несколько сеансов бабка совершила настоящее чудо – грыжи у Сережи как не бывало, и она больше у него не появилась никогда.

***

Еще одно проявление странной силы он встретил, будучи уже в старших классах. У них заболела корова – это было очень грозное событие. Местный ветеринарный врач использовала все, но корове легче не становилось. Стало очевидно, что корова скоро умрет; оставалось последнее средство – обратиться к бабке, которая, все это знали, умела заговаривать. Заговоренную бабкой соль мать развела в ведре с водой и выпоила корове. На следующее утро снова

произошло чудо – в него можно было верить, а можно нет, но корова встала и вместе со стадом пошла в поле.

***

Подобные случаи были частью жизни в деревне, и им никто из местных жителей даже не удивлялся. Сережа пытался понять, что это была за сила. Себе он объяснял это так: рядом с привычным миром есть параллельный мир, в котором живут существа, обладающие более сильными, чем у людей, способностями. Эти существа иногда контактируют с людьми, и каждый контакт сопровождается необычным для людей явлением.

Среди людей есть те, кто умеет просить эту силу и получает ее; эта сила может быть большой и даже очень. Люди, умеющие управлять ей, могут иметь неограниченное влияние; Сережа тоже хотел овладеть такой силой. Он спросил о ней у отца, и тот коротко ответил: «Кто этим владеет, почему-то очень тяжело умирает, и лучше этим не заниматься».

***

В школе его выбирали комсоргом класса, заместителем секретаря комсомольской организации школы, а в седьмом классе по комсомольской линии он ездил в пионерский лагерь «Орленок», что на берегу Черного моря. Поездка в лагерь была настоящим прорывом в его сознании: он в первый раз в своей жизни увидел настоящее море – оно поразило своей мощью, голубизной в ясный день и суровостью во время шторма. Часами он мог смотреть на набегающие волны и думать о том, что жизнь его очень коротка по сравнению с жизнью этого гиганта.

***

Однажды его удивил случай, происшедший с ним в восьмом классе. Его, как выходца из другой деревни, окружили местные сельские парни и начали задирать, явно намереваясь отдубасить. Самый мощный из них подошел к Сереже вплотную и начал что-то говорить, явно оценивая, в какое место нанести первый удар. Сережа понял его намерение и схватил парня руками за куртку, как это делают борцы. Все произошло очень быстро – тот оказался в трех метрах, стоящим по колени в сугробе и удивленно смотрел на Сережу: обычной силой это сделать было невозможно – тот весил не менее 80 килограмм, а Сережа 50. Этот случай открыл Сереже неведомый доселе источник силы внутри его самого, которая может прийти на помощь в минуты опасности.

ЧАСТЬ 2. АРМИЯ

В школьные годы Сережа любил смотреть фильмы про армию, слушать рассказы отца, деда и тех парней, которые отслужили. Служба тогда считалась почетной обязанностью, и он хотел отслужить. Пройти все трудности, закалиться и стать сильнее подсознательно входило в его сценарий, и он шел в армию именно за этим. Он был призван в одни из самых лучших родов войск – пограничные, о чем даже не мечтал. Жестокая желтуха перед самой службой (он целых три месяца очень тяжело болел) не стала поводом «откосить», и на комиссии он о ней не сказал. Врачи не могли не знать о его болезни и понимали, что в армию ему сейчас идти нельзя, но почему-то пропустили.

Столкнувшись с первыми трудностями, он все же начал скулить и хотеть вернуться домой к маме и теплой печке, не ожидая, что будет так жестко. Армейский порядок его удивил еще в поезде.

– Призывники, подъем! – твердо и уверенно скомандовал сержант, проходя по вагону. – Всем встать, умыться, заправить постели и готовиться к завтраку!

Эта первая команда разделила жизнь Сережи на ту, которая была, и на ту, которая началась. Ему было непривычно подчиняться другому человеку, который всего на один год был старше его. Сережа не принял эту команду всерьез и подумал, что это шутка, что все будет как прежде с небольшим отступлением от привычного. Он раньше слышал про армейскую дисциплину, но там все было не с ним.

– Подъем, так подъем, умыться, так умыться, – проворчал себе под нос Сережа, но так, чтобы его услышал сержант. Он медленно слез со второй полки, взял полотенце и пошел занимать очередь в туалет, перед дверью которого уже выстроилось человек десять.

Прищуривав один глаз, сержант проводил Сережу взглядом, ничего ему не сказав, но во взгляде читалось: «Ну-ну, поговори ещё немного». На завтрак была пшенная каша, кусок сливочного масла, кусок белого хлеба и чай. Это добро у Сережи было пока еще не в почете, потому что в его сумке еще лежали мамины пирожки. Сережа решил после завтрака снова залезть на верхнюю полку и «оторваться» чтением книги Джека Лондона «Время не ждет», которую взял с собой. Путь в 7000 километров до далёкого Забайкалья был для него целым богатством: поезд, верхняя полка, любимая книга и лафа! Сережа допил чай, помыл и сдал посуду и быстро пошел наверх.

– Отставить! – услышал он строгий голос сержанта. – На верхних полках лежать нельзя – можно сидеть на нижних!

– Это почему? – вытаращив глаза, спросил сержанта один из призывников, опередив своим вопросом Сережу.

– Был подъем, а после него на кроватях лежать нельзя – такой в армии порядок, – нарочито громко, чтобы услышали все, ответил сержант, явно ожидавший такого вопроса.

– Но мы ещё не в армии! – возразили ему сразу несколько человек, явно озадаченные такой неожиданностью.

– Ошибаетесь, уже в ней – родимой, – с улыбкой ответил сержант довольный, что вызвал у парней первое недоумение и, вероятно, вспомнил, как то же самое произошло с ним год назад.

Слова сержанта прозвучали для призывников как приговор и дали понять, что гражданская жизнь для них закончилась прямо здесь и сейчас. Мечта Сережи полежать с книгой на верхней полке рухнула, и пришло сожаление, что он уже не может делать то, что захочет, а обязан подчиняться приказам. Всю дорогу вместо Джека Лондона ему приходилось читать устав воинской службы; в общем, началась совсем другая жизнь и нужна была сила ее принять и все пройти.

***

стояла поздняя осень, было очень холодно и мрачно. Сложное душевное состояние углубляли жесткие команды, которые следовало немедленно выполнять. Баня, переодевание в военную форму, столовая, казарма и армейская кровать – в такой последовательности Шмелев продолжал свое знакомство с совершенно новой для себя жизнью. Первое письмо домой было не радостным, а скорее грустным. Преодолевать тяготы и лишения ему уже совершенно не хотелось, а хотелось скорее отслужить и вернуться домой. Но быстрее не получилось – два года пришлось отпахать. **Забайкалье встретило Сергея Шмелева сурово:**

Каждый день было одно и то же: команда «Подъем», одевание на скорость, одно очко на четверых, бегом по лестнице, бег строем по круговой дорожке; темно, холодно и тоскливо. Шмелев искал поддержки от силы, которая бы его вдохновила. И эта сила к нему пришла – он нашел ее в сравнении себя с другими. Его постоянно раздражал один удмурт, который чему-то всегда улыбался, при этом из его носа всегда плыла большая зеленая сопля. Шмелеву было ужасно неприятно видеть эту соплю, и он черпал силы в мыслях: «Этот „сопля“ может, а я что, хуже него?»; осознавать такое было совершенно невыносимо – он «включал форсаж» и снова овладевал собой.

После утренней зарядки нужно было очень быстро заправить постель, умыться и встать на утренний осмотр, который в первые недели был смехом и бедой одновременно. Ты должен быть в полном порядке: аккуратно подстриженным и побритым, с подшитым свежим белым подворотничком, в поглаженной форме и до блеска начищенных сапогах – в общем, ты должен был выглядеть как огурчик. Такое не всегда получалось, а вернее сказать, в первое время не получалось вообще. Особенно плохо дело обстояло с подшивом свежего подворотничка – на него всегда не хватало времени и сноровки, и получалось подшивать его то криво, то косо.

– Почему не подшит? – спросил Шмелева сержант.

– Не успел, товарищ сержант, – ответил ему Шмелев, понимая, что такой ответ командира совершенно не устраивает.

– У тебя есть целых восемь часов сна, – произнес командир стандартное в таких случаях возражение, – за это время можно подшить целую сотню подворотничков – сегодня вместо личного времени с тряпкой на полы.

– Есть! – коротко, уже вполне по-военному, ответил сержанту Шмелев; другого ответа в уставе воинской службы в таких случаях не существует.

Если ты решишь обмануть, сказав, что подворотничок свежий, то это может обойтись тебе очень дорого – лучше об этом даже не думать. Сержант служит второй год, и все уловки молодых солдат видит еще в момент зарождения у них мысли (вчерашний подворотничок от свежего отличается очень сильно). Состояние твоих сапог – совершенно особая тема – они должны быть даже чище твоего белоснежного подворотничка. Командира совершенно не волнует, что на улице грязь, что ты только что вернулся с зарядки, и у тебя нет даже минуты, чтобы подойти к тумбе для чистки сапог.

***

на котором он «радовался» в учебке в первые месяцы службы, забыть было нельзя. «Поле радости» солдаты гарнизона называли поле для занятий по тактической подготовке, откуда через несколько часов бесконечных атак с криками «Ура» и ползания по снегу, обычно, все возвращались едва живые. Бушлаты и ватные штаны были сырые насквозь – их можно было выжимать. Эти занятия для парней были настоящим наказанием непонятно за что. «Тяжело в учении, легко в бою», – слова великого полководца А. В. Суворова первые тридцать минут поддерживали боевой дух, но на 31-ой минуте их уже хотелось послать ко всем чертям собачьим. **«Поле Радости»,**

Бушлат, ватные штаны, валенки, ОЗК (общевойсковой защитный комплект от химической атаки), подсумник с магазинами для патронов, подсумник для гранат, МСЛ (малая сапер-

ная лопата), автомат – все нужно было на себе как-то разместить и очень постараться ничего не потерять. В первый раз новички на занятия выдвинулись бодрые, не зная, что готовит для них «Поле радости»; старослужащие, смотря им вслед, тихо улыбались.

После первых атак Шмелеву пришло желание – убежать с этого поля как можно дальше и как можно быстрее, но бежать положено было только по команде и только вперед. Десятки раз приходилось выстраиваться в атакующую шеренгу, падать в снег и ползти, вставать и снова бежать, выстраиваться в бегущую колонну, потом вновь в шеренгу, снова падать и ползти; все это должно было сопровождаться бодрыми криками «Ура!», чтобы силой своего духа привести в ужас мнимого противника.

По команде «Газы» следовало быстро надеть на лицо холоднящий от мороза резиновый противогаз и все, что было до этого, продельвать уже в нем. Стекла маски мгновенно запотевали, и через них не было видно ничего: куда бежать, что у тебя под ногами, где фронт, где тыл. У Шмеля случались моменты, когда он уже не понимал, кто он вообще, куда бежит и главное – зачем.

– А, ч-черт! – вскрикнул он и упал противогазом в снег. – Хорошо, что попал лицом не в кочку. Кто я? Где все? Снял противогаз и осмотрелся – оказалось, что убежал далеко в сторону.

Команда «Химическая атака» была самой веселой из всех, потому что на морозе надеть на себя прорезиненный костюм ОЗК было очень сложно – если бы это можно было снять на камеру! Шпеньки-пуговицы приходилось долго искать, а если их удавалось найти, то они никак не хотели застегиваться трясущимися от усталости руками. Если удавалось их застегнуть, то обязательно не в свою петлю, и весь костюм выглядел ужасно перекошенным.

Сержанты от души смеялись, и парни тоже бы посмеялись вместе с ними, если бы им не нужно было в этом наряде продолжать атаку, не забыв при этом подобрать в снегу свой автомат. В этом костюме ползти по снегу было совершенно невозможно – он ужасно скользил и все движения локтями и коленями были почти безрезультатными.

Обычно занятия продолжались с утра и до обеда с короткими, в пять минут, перекурами; покурить у Шмелева не возникало ни малейшего желания. Спасительная команда «Закончить занятия по тактической подготовке» была одной из самых прекрасных команд во всей его жизни в учебном пункте, почти как команда «Строиться на обед».

***

– слышал Шмелев команду, которая звучала три раза в сутки в первые месяцы службы в гарнизоне. В столовую они ходили только строем – сначала это было странно, но потом привыкли. После занятий по военной подготовке еда становилась особенно вкусной: перловая каша для Шмелева стала вдруг самым лучшим в мире продуктом, да еще с мясом, хлебом и стаканом компота, а гороховый суп!.. Дежурный «разводяга» раскладывал еду по тарелкам, и все внимательно следили за равенством распределяемых им порций – каждая ложка была на вес золота. **«Строиться на обед (завтрак, ужин)!»**

«Остался не съеденный кусок хлеба – спрячу под бушлат, а потом его съем», – подумал Шмелев.

– Пищу из столовой брать не положено! – будто читая мысли, громко проговорил сержант, – Кого увижу в казарме с хлебом, пойдет с лезвием на очко (чистить лезвием бритвы эмалированное чугунное очко в туалете было особенно неприятным занятием).

– Вы сейчас постоянно хотите есть, – с пониманием говорил парням офицер особого отдела. – Это понятно: вы молодые и много двигаетесь, но, несмотря на это, от правильного распорядка в питании ваш вес сейчас увеличивается.

Есть все же очень хотелось, и если кому-то приходила из дома посылка, – радость была для всех: там конфеты, там печенье и еще много всего вкусного; из посылок в казарме кушать

не запрещалось. До армии Шмелев особенно любил карамель «Слива» по цене рубль шестьдесят за килограмм, и мать ему их присылала.

***

– сделал объявление перед строем старший сержант; парни засверкали улыбками – в первый раз все приняли это известие, как радостное, ведь можно было до отвала поесть. Все ошиблись, не зная, что наряд по кухне – это сущий ад! – **Завтра мы заступаем в наряд по кухне,**

На весь гарнизон нужно было начистить картошки, двуручной пилой на мелкие куски распилить большое количество мороженных мясных туш, три раза перемыть все кружки, миски, ложки, вилки и котлы, а также гектары полов, ряды столов и десятки квадратных метров стен. Спать в эти сутки удавалось только четыре часа – все были грязные, мокрые и уставшие.

При этом парни умудрялись находить для себя разные развлечения. Цех для мытья посуды сантиметров на двадцать они заполняли водой и по ней запускали миски, как камни с речного берега, – смотрели, как они летят по поверхности; в другом конце цеха их ловили. Так было легче справиться с работой и очень забавно.

В этот день можно было кушать, сколько хочешь, но это уже никого не радовало – каждый мечтал в следующий раз провалиться сквозь землю, но в наряд по кухне не попасть. Улизнуть от наряда по кухне, как правило, ни у кого не получалось.

***

– Вы чего так медленно! – провизжал прямо Шмелеву в ухо воин второго года, наполовину высунувшийся из окна хлеборезки. – А ну – быстро схватили хлеб, масло и растащили по столам – чтобы все было «чики-чики»! Шмелеву захотелось врезать ему, чтобы тот влетел обратно в свою хлеборезку и там заткнулся, но сдержался – взял несколько тарелок с цилиндриками сливочного масла и, молча, понес расставлять их на столы.

После очередного наряда по кухне можно было смело себе сказать, что ты не слабый, раз смог такое выдержать! Справедливости ради нужно сказать, что выдерживали все.

***

– это хозяйственные работы по наведению порядка в казарме. Каждый забирал свой матрац, подушку и одеяло, чтобы на улице как следует все вытрясти. С особенной тщательностью на ХЗР отмывались полы: мылом, щетками и большим количеством воды. **Каждую пятницу всех поджидали ХЗР**

«Мыть полы как следует: чтобы я вас не видел, а видел лишь пену и мелькающие из нее руки с тряпками!» – строго шутил сержант, руководивший наведением порядка. «Влажные полы лучше, чем сухие», – любил шутить командир.

Как известно, в каждой шутке есть доля шутки, и парни трудились на полах до седьмого пота. После горячего мыла на полах оставалась тонкая матовая плёнка, похожая на лаковое покрытие – на него не хотелось ступать как можно дольше, и каждый старался пройти к своей кровати ближе к табуреткам.

Подоконники, металлические части кроватей, двери – все тщательно протиралось, и нигде не должно было остаться ни одной пылинки. Качество уборки руководителем уборки проверялось белой тряпкой в самых укромных местах: за ножкой тумбочки или тыльной части отопительной батареи. Постели заправлялись с выравниванием специальными досками, потом длинной ниткой в единую линию, и картина в казарме принимала вид идеального порядка. После ХЗР казарма всегда дышала чистотой и свежестью; в чистоте точно есть сила.

***

была одной из самых серьезных дисциплин, и Шмелев понял почему. Однажды, второй или третий час маршируя по плацу, он испытал очень серьезную вещь – его как будто пробило, и по телу побежали мурашки. Шагая плечом к плечу со своими товарищами, он вдруг зарядился мощью, которая с каждым шагом входила в него, и ему хотелось, не останавливаясь идти и идти строевым шагом хоть на край света. Ему показалось, что его товарищи почувствовали

то же самое, что и он, потому что после команды «Стой» наступило общее таинственное молчание: не было ни шуток, ни кряхтений, ни шмырканья носами и, казалось, что все окаменели. Столько было мощи в этом общем молчании! **Строевая подготовка**

Ему очень понравилось это чувство, и он стал очень уважать армейские приемы овладения силой, потому что к внешней красоте строевого шага для него прибавилось его внутреннее содержание.

***

всех новобранцев распределили по пограничным заставам, где им предстояла самая настоящая служба на самой настоящей государственной границе; Шмелев попал на именную заставу (застава имени героя-пограничника) и прослужил на ней до окончания своего срока. Каждый день ему, как и всем, приходилось ходить сначала младшим, а на втором году старшим пограничного наряда. **Через три месяца учебных занятий в гарнизоне**

Служба на заставе была не сахар: день и ночь нужно было охранять участок с многокилометровыми правым и левым флангами. Каждый вечер в 20.00 часов – с этого времени начинались пограничные сутки – начальник заставы перед строем зачитывал «Суточный боевой расчет», где было подробно расписано: кому в какое время нужно заступать на службу и в какой вид наряда. Служили днем, служили ночью, служили утром, служили вечером; границы было много, и ее с лихвой хватало на всех. На заставе была особая атмосфера, в которой было комфортно: не было «дедовщины», не было времени заниматься ерундой, а была единая для всех задача и настоящая служба.

***

Разбудил Шмелева дежурный сержант. Было 23.00, через 30 минут нужно встать на приказ. Согласно суточному «Боевому расчету» сегодня ему было идти в наряд «в ночь», впрочем, как вчера и позавчера. Привычными движениями он «влез в ПШ» (полушерстяное обмундирование), намотал портянки, всунул ноги в сапоги и надел шапку, слегка скосив ее набок – так разрешалось ходить «дедам» – небольшая привилегия для тех, кто прослужил полтора года. **Пролетело полтора года на пограничной заставе.**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.